

Алексей Жуков

Саами в XIII-XVII вв.

(публикация источников и комментариев)

ПУБЛИКАЦИЯ

1

1681 г., 13 ноября–1682 г., 26 апреля. Кольского острога соборного священника Алексея Симонова тетради с отчетом о поездке его по государеву указу по Лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и воссоединения их к православной церкви. На 15 листах¹.

(Источник: Российский государственный архив древних актов. Фонд 137. Боярские и городовые книги. Опись 2. Дело 114. Л. 1–15. Подлинник).

Л.1 190-го апреля в 26 де(нь)² выписать из сих тетрадей под отписку в доклад³.

Алексей Юрьевич ЖУКОВ
Институт языка, литературы
и истории Карельского
научного центра РАН,
Петрозаводск

Л.2⁴ ...том о вере и обычаех лопарей спрашивал: крещены ли оне, лопари, во имя Отца и С(ы)на и С(вя)таго Д(у)ха, и ведают ли проповедь с(вя)таго Еванг(е)лия, и не дер-

¹ Озаглавлено архивистом.

² Здесь и далее: в скобках восстановлены пропускаемые при скорописи буквы.

³ Надпись дьяка на оборотной стороне листа рукописи — о подготовке доклада царю Федору Алексеевичу.

⁴ Лист 1 рукописи утрачен. Очевидно, там излагался сам царский указ, и содержалось начало описания поездки священника Алексея Симонова к лопарям Воронежского погоста.

жат ли каких богоотступных обычаев, и не дают ли чести водам, и не приносят ли жертв и идолопоклонства огню, кусту, камению и деревьям, иных волхований вражиих, не ядят ли мертвечины, крови и удавленнины и зверми, и птицею убитого и иных мерзостных нечистот и идоложертвенных.

И выслушав указ великого г(о)с(у)д(а)ря, Воронежского погоста

Л.3 лопари староста // Алешка Козмин, Игнашка да Пашко Петровы, Коземка Григорьев, Демитко Афонасьев, Ивашко Васильев, Васка Щокин, Логинко Кондратьев, Кондрашка Федоров з женами и детми порознь по одному ч(е)л(о)в(е)ку сказали со всяким послушанием по духовенству¹: крещены де оне из давних лет, а веры православныя христианския обычаев никаких не знают, и проповеди и с(вя)таго Евангелия и о бл(а)гочести и поучения ни от кого не слышали, а от с(вя)таго крещения лет по двадцати и по тритцати, а иные и до старости у отцев д(у)ховных и во церквах не бывали, и таины

Л.3об. с(вя)таго по//каяния не знают, и тела и крови Г(о)с(-пода) нашего Иис(у)са Хр(и)ста не причащались, и иных таин с(вя)тыя православныя хр(и)стианские. Ц(е)ркве не держат для того, что живут де оне от Кольского острога в дальних местех верст за полтораста, а ис Кольского де острога приезжают к ним в Лопския погосты² для крещения младенцов священники одинова в год, ф то время, как берут с них дань на великого г(о)с(у)д(а)ря, и то де время бывает у нас суетное. А от священников де им о хр(и)стианских обычаях по се время поучения никакова не бывало для того, что

Л.4 живут оне, священники, у них в погостех³ // малое время, д(е)нь или по нужды два. А обычаи де оне, лопари, держат от прародителей своих. Когда им бывает время ходить на какие промыслы для зверя и для оленей и для рыбы, и в то время обещаюца оне приносить жертвы: иной — дереву, иной — камению, иной — кусту, первого зверя промысла своего оленя или иного коего добудет. И сняв с него кожу, а кровь выточиши⁴ в сосуд, и мясо розсекают, и тою кровию обливают дерево, или камень, и куст, и кожу покрывают, а мясо розсекши,

Л.4об. мечют по земли для приношения. И розметав по земли, // отшедшы от того места, и приносят хвалу птицам и зве-

¹ Т.е. будучи приведены к церковной присяге.

² Имеются в виду Лопские погосты (т.е. саамские районы) Кольского уезда. (Не путать с семью Лопскими погостами Карелии, — последние до 1649 г. находились в составе Новгородского уезда, а с 1649 г. вошли в состав вновь образованного Олонецкого уезда.)

³ Здесь имеются в виду не сами погосты-районы (Воронеский и др. Лопские погосты), а центры данных погостов — места, в которых сборщики дани принимали от саами налоги.

⁴ Так в тексте. Правильно: «выточивши», т.е. «собрав по капле», — от глагола «точиться» — медленно литься, вытекать.

рем. А в похвале своей говорят: «птицы и звери, промысла нашего мяса поядайте, а зла нам в промыслу никакова не делайте». А дерево, или камень, или куст кожею покрывшы, и отшед тому месту, кланяются и хвалу приносят, и говорят: «Даи нам, Господи, чем бы н(ы)нешной год жить». А иные тех мяс оставляют и сами ядят. И бес того де богомерского своего обычая оне, лопари, никакакие¹ свои промыслы преж сего и по се время не ходили. А по с(вя)тым постам мясо нужды ради ядят и

Л.5 удавленину и кровь // и идоложертвенныя мяса ядят же.

И н(ы)не м(е)с(я)ца ноемврия в 17 де(нь) по указу великого г(о)-с(у)д(а)ря те свои богомерския жертвища оне, лопари, разорили—древа и кусты, которым преж сего жертвы приносили, посекали и камение розбили. И впред пред с(вя)тым Еванг(е)лием обещалися прежние свои богомерския обычаи оставить и детей своих на такое злое богомерское дело не учить.

А для м(о)л(и)твы и для чести и поклонения с(вя)тых икон

Л.5об. поставили оне, лопари, часовню во имя Р(о)ж(де)ства // Ии(су)са Хр(и)ста.

190—г(о) году ноября в 25 де(нь) Семиостровского погоста лопари староста Ивашко Павлов, Евдокимко Федоров, Тимошка, Ефтюшка, Елизарко Павловы дети, Ивашко да Аввакумко Архиповы, Васка Григорьев, Савка да Фетка Яковлевы, Мелешка да Юшко Ивановы, Марчко Яковлев, Созонко Максимов, Мишка да Петрушка да Ивашко Фефиловы дети, Игнашка Федоров, Мишка да Ивашка Алексеевы, Фетка Яковлев и все лопари з женами и детми, выслушав

Л.6 указ великого г(о)с(у)д(а)ря о призыва//нии иноверцов и идолопоклонников и отступников во бл(а)гочестивую нашу православную хр(и)стианскую веру со всяким послушанием порознь по одному ч(е)л(о)в(е)ку сказали: крещены де оне из давных лет, а веры православныя де хр(и)стианския веры и обычаев и проповеди и с(вя)таго Еванг(е)лия по се время не знают, и о бл(а)гочестии поучения ни от кого не слышали, потому что живут от Кольского острога в далних местех за полтретьяста верст². А обычаи держат и жертвы и хвалы приносят таким же злочестивым обычаем,

Л.6об. как писано вы//ше сего Воронеского погоста о лопарех.

И н(ы)не м(е)с(я)ца того же в 27 де(нь) по указу великого г(о)с(у)д(а)ря оне, лопари, жертвища богомерских своих приношений разорили и обещалися пред с(вя)тым Еванг(е)лием впред(ь) жертвы никакие тварем не приносить.

¹ Так в тексте.

² Т.е. центр погоста отдален на 250 верст от Кольского острога.

А для м(о)л(и)твы поставили оне, лопари, часовню во имя Пр(е)-с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы ч(е)стнаго Ея Собора.

Л.7 Декабря в 11 де(нь), выслушав указ // великого г(о)с(-у)д(а)ря со всяким послушанием Ловозерского погоста лопари староста Максимко Созонов, Спирка Михайлов, Максимко Иванов, Ильюшка Иванов, Гришка да Игношка Ивановы, Ивашко Михайлов, Юшко Иванов, Петрушка Юрьев, Матюшка да Васка Ивановы, Созонко Екимов, Максимко Созонов, Гришка Селивестров, Марчько Семенов, Артюшка Иванов, Артюшка Иванов¹, Афонка Григорьев, Елеска Михайлов и все лопари з женами и детми порознь по одному ч(е)л(о)в(е)ку по духовенству сказали: крещены де мы из давних лет,

Л.7об. а веры бла//гочестивыя христианския обычаев и проповеди с(вя)таго Еванг(е)лия ничего не знаем и о бл(а)гочестии учения ни от кого не слышали для того, что живут от Кольского острога верьст за полтретьяста. А обычаи де от прародителей держат, и приносят жертвы древам и кусту и камению таким же обычаем, как писано выше сего Воронеского погоста о лопарех. Да они же приносят жертвы водам: мечут в воду серебро, медь, олово и хлеб и присят² себе от вод в промыслах прибýtка и себе здоровья. Да оне же отдают

Л.8 домовы(х) своих оленей³ // в жертву горам и дереву и молятся, чтоб у них олени долго жили и плодились. А удавленину и кровь и во с(вя)тыя посты мясо ядят же.

И н(ы)не декабря в 22 де(нь) оне, лопари, те свои богомерския жертвища все разорили, а впредь обещались тех своих злых мерзостей не творити.

А для м(о)л(и)твы построили часовню во имя Б(о)гоявления Г(о)с(по)дня.

Л.8об. Декабря в 27 де(нь), выслушав указ великого г(о)с(у)д(а)ря, Масельского погоста лопари староста Ромашка Ельфимов⁴, Петрушка Романов, Фомка Петров, Захарко Яковлев, Мишко Юрьев, Якунка да Васка Григорьевы, Петрушка Гаврилов, Панко Володимеров, Гришка Григорьев и все лопари з женами и детми по духовенству сказали: крещены де мы из давних лет, а веры православныя христианския и проповеди с(вя)таго Еванг(е)лия не знаем, и учения о бл(а)гочестии ни от кого не слышали для того, что живем де мы от Кольского

Л.9 острога // за сто верст. А жертв никаким тварем не приносят. А кровь и удавленину ядят же.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте. Правильно: просят.

³ Одомашненных оленей.

⁴ Так в тексте; видимо, должно быть «Ефимов».

И н(ы)не генваря в 3 де(нь) по указу великого г(о)с(у)д(а)ря построили оне, лопари, часовню во имя Воскресения Г(о)с(по)дня.

Генваря в 10 де(нь), выслушав великог(о) г(о)с(у)д(а)ря указ, Екостровьского погоста лопари староста Герасимко Савельев, Архипко Петров, Оска да Павлик Архиповы, Ивашка Матфеев,

Л.9об. Ивашко Иванов, // Ондрюшка Кондратьев, Лучка Алексеев, Кирилко Ефремов, Ивашко Михайлов, Оска Дмитриев, Федотко Яковлев, Сергушка иванов, Ивашко Никитин, Ивашко Марков, Васка Григорьев, Ивашко Юрьев и все лопари з женами и детми по духовенству сказали: крещены де мы из давных лет, а православныя веры и проповеди с(вя)таго Еванг(е)лия не знаем. А жертвы и требищ тварем не приносят. А кровь и удувленину ядят же.

Л.10 И н(ы)не генваря в 18 де(нь) по указу великог(о) // г(о)с(у)д(а)ря поставили оне, лопари, в погосте своем часовню во имя Бл(а)говещания Пр(е)с(вя)теи Б(огоро)д(и)цы.

Февраля в 4 де(нь), выслушав великог(о) г(о)с(у)д(а)ря указ, Бабенского погоста лопари староста Якунка Матфеев, Фомка Никулин, Сергушка Савельев, Терешка Фефилов, Юшко Ларионов, Петрушка Михайлов, Васка Дмитриев, Ивашко Аверкеев, Мишка Федоров, Мелешка Ондреев, Васка Никулин, Ивашко Савин, Герасимко Федоров, Матюшка Григорьев, Марчко Никулин и все

Л.10об. лопа//ри з женами и з детми по духовенству сказали: крещены де оне из давных лет, а обычаев хр(и)стианских и проповеди с(вя)таго Евангелия не знают. А жертв никаких тварем не приносят. А кровь и удувленину ядят же.

И н(ы)не по указу великог(о) г(о)с(у)д(а)ря февраля в 10 де(нь) поставили оне, лопари, в погосте своем часовню во имя Ииоана¹ Пр(е)дт(е)чи.

Февра(ля) в 12 де(нь), выслушав указ великог(о) г(о)с(у)д(а)ря,

Л.11 Нотозерского погоста старо//ста Ондрюшка Иванов, Ондрюшка Федоров, Якунка Иванов, Якунка Семенов, Ивашко Васильев, Ивашко Семенов, Потанка Федоров, Ивашко Осипов, Гришка Фефилов, Андрюшка да Петрушка Ефремовы, Степанко Григорьев, Гришка Федоров, Фетка Васильев, Фетка Иванов, Ивашко Ефремов, Нестерко Исаков, Афонка Григорьев и все лопари з женами и детми по духовенству сказали: крещены де мы из давных лет, а православныя хр(и)стия(нскоя) веры и ц(е)рковных таин ничего не знаем, и проповеди с(вя)таго Еванг(е)лия ни от кого не слышали. А

Л.11об. жер//тв тварем никаких не приносят.

¹ Так в тексте.

И н(ы)не по указу великого г(о)с(у)д(а)ря поставили оне, лопа-ри, часовню во имя Николая Чюдотворца.

Февраля в 15 де(нь), выслушав великог(о) г(о)с(у)д(а)ря указ, Соельского погоста староста Митка Тихонов, Коземка Петров, Ивашко Дмитриев, Афонка да Ивашко Козмины, Васка Осипов, Сенка Васильев, Фомка Семенов, Петрушка Кондратьев, Алешка Тимофеев, Ильюшка Ларионов, Митка, Сенка, Ивашко Алексеевы,

Л.12 // Степанко, Коземка, Петрушка Ильины, Афонка Ларионов, Оска Яковлев, Афонка Иванов, Афонка, Васка, Якунка, Максимко Осиповы, Фетка Григорьев, Фофанко Иванов, Петрушка, Фетка Власовы, Васка Игнатъев, Ивашка Андреев, Данилко Дмитриев, Антошко Афонасьев и все лопари з женами и детми по духовенству сказали: крещены де мы из давних лет, а православныя хр(и)стианския веры и ц(е)рковных таин и проповеди с(вя)таго Еванг(е)лия не знаем. А жертв и приношения тварем не приносят. А удувленное ядят...¹

Л.13об. ...// А ц(е)рковь у нас осв(е)щенная есть во имя с(вя)тых страстотерпцев Бориса и Глеба—осв(е)щена в лета ц(а)ря и великого кн(я)зя Ивана Васильевича всеа Русии по благословению архиеп(и)ск(о)па Пимина Великаго Новаграда². А св(я)щенника у тое ц(е)ркве нет, потому что у нас место безхлебное—хлеб у нас не родитца и купит(ь) негде—и св(я)щенником у нас питатца нечем. А нам кроме св(я)щенника жить в таком порубежном месте велми скучно³, потому что с ыноземцами промышляем смежно, и вместе

Л.14 пьем и ядим и [со]⁴ своими женами—родилницами також // год пьем и ядим. И от таковыя нужды нам невозможно во ц(е)рковь с(вя)тую входит(ь) и с(вя)тых икон целовать, ни свещь, ни кажения приносит(ь). И друг со другом сходитца и самим мерско. А тварем приношения никакова не даим. А кровь и удуленину ядят же.

Февраля в 24 де(нь), выслушав великог(о) г(о)с(у)д(а)ря указ, Нявдемского погоста староста Ивашко Васильев, Ивашко Ермолин, Гришка, Иевко, Мишка Васильевы, Данилко, Макарко Афонасьевы

Л.14об. // Андриюшка Иванов, Петрушка да Тимошка Алексеевы, Трошко Михайлов, Тимошка да Сенка Васильевы, Степанко

¹ В тексте пропуск листов 12 об. и 13 (начало описания Тазрецкого погоста: см. л. 15).

² Иван IV Васильевич Грозный, род. в 1530 г., великий князь с 1533 г., царь с 1547 г., умер в 1584 г. Преосвященный Пимен, клирик Кирилло-Белозерского монастыря, стал архиепископом Великого Новгорода в ноябре 1553 г.; был сведен с кафедры и лишен сана сразу после январского 1570 г. опричного разгрома Новгорода и сослан в Венецкий монастырь, где вскоре и умер.

³ В смысле — «не красиво», «плохо».

⁴ Восстановлено по смыслу.

да Мишка Григорьевы, Гришка Васильев, Пашко Федоров и все лопари з женами и детми сказали: имя де хр(и)стианское на себе носим, а таин хр(и)стианских кроме крещения ничего не знаем, потому что живем от Кольского острога за полпятиста верст¹ на рубежах² и промышляем

Л.15 с ыноземцами с свицкими и з даньскими вместе. И во всем // как писано выше сего о пазрецких лопарях. А прихоженя оне, нявдемския лопари, тое же Пазрецкия ц(е)ркви с(вя)тых страстотерпцев Бориса и Глеба.

А книги писал св(я)щенник Алексеи своею рукою.

2

1700 г., январь. Книга Кольской приказной избы о сборе стрелецких денег с населения Кольского уезда³.

(Источник: Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Тотьма. Д. 60. Л. 577–585 об. Подлинник).

Л.577 Лета 7208-го, генваря в ... де(нь)⁴ по указу великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамоте из Новгородцкого приказу за приписью дьяка Василья Посникова, какова прислана в н(ы)нешнем 208-м году генваря в 24 де(нь) в Кольской острог к воеводе Григорью Никитичю Козлову. А в той великого г(о)с(у)д(а)ря грамоте написано: велено в Кольском остроге ис Приказной избе⁵ кольским бурмистром, которые выбраны к збору великого г(о)с(у)д(а)ря доходов, дать с книг списки за рукою—что с

Л.577об. кого стрелецких и каких доходов збиралось. И по тои // великого г(о)с(у)д(а)ря грамоте в Кольском остроге в Приказной избе ис Приходных книг выписано, что за ким⁶ по переписным книгам дворов и в Лопсих погостех что с которой Лопи данных денег. И то писано ниж сего по статьям.

В Кольском остроге посадцких дватцать девять дворов,

пушкарских шесть дворов,

стрелецких на тяглои земли девяносто три двора.

В Кандалашской волости пятьдесят девять дворов;

¹ В 450 верстах.

² В приграничье.

³ Заголовок наш. По краям листов «Книга» заверена рукой кольского воеводы Г.Н. Козлова: «Воевода Григорей Козлов».

⁴ Пропуск в тексте.

⁵ Так в тексте.

⁶ Так в тексте.

Л.578 за Кандалашским м(о)н(а)ст(ы)рем три двора бобыльских.

В Ковской волости кр(е)стьянских четырнадцать дворов.

В Порьегубской волости кр(е)стьянских пять дворов.

В Ребольских волостях за крестьяны дворов:

в Ребольском и в Лендерском и в Калвасозерском погостях сто восемьдесят три двора;

в Ровкулском погосте тридцать восемь дворов;

в Кимасозерском погосте дватцать три двора;

в Лувозерском погосте восемь дворов;

в Манозерском погосте семнатцать дворов;

Л.578об. в Бабьегубском погосте десять дворов;

в Кондокусском погосте три двора;

в Костомозерском погосте двенатцать дворов;

в Вокънаволоцком погосте дватцать три двора;

в Воницком погосте четыре двора;

в Муномашском погосте восемь дворов;

в Рогозерском погосте четыре двора;

в Еletzозерском погосте десять дворов.

И всего в Реболских волостях крестьянских триста сорок три двора.

И обоево в Кольском остроге и в уезде по переписным книгам,

Л.579 кроме Воскресенского м(о)н(а)ст(ы)ря // вотчины Понойской волости, да Соловецкого м(о)н(а)ст(ы)ря вотчины Керещкой волости пятсот пятьдесят два двора.

И по указом великого г(о)с(у)д(а)ря и по грамотам они, коляна, посадские люди и канда(ла)шские старцы и уездные крестьяна и стрельцы и пушкари платили по дватцати по шти алтын по четыре денги з двора.

С Лопских погостов данных денег с лопареи— с Кончанской лопи:

Погост Верхняя Инадра: луковые дани с некрещеных лопарей з девяти луков дватцать девять ефимков¹, за месную оленину² ефимок да два бора³.

¹ Золотая монета, употреблялась в качестве платежного средства в международной торговле.

² Т.е. мясо оленя.

³ Так в тексте. Правильно, видимо. «бобра» (для примера см. л. 582).

Л.579 об. Погост Сонгелской: луковые дани и за поминки шесть рублей восминатцать алтын две денги да куния, да поголовные дани восемь рублей дватцать семь алтын две денги.

Погост Нотозерской: луковые дани и за поминки шесть рублей десять алтын, да поголовные дани восемь рублей пятнатцать алтын две денги.

Погост Бабеницы: луковые дани и за поминки два рубли четыре денги, да поголовные дани шесть рублей шеснатцать алтын.

Л.580 Погост Екостровской: луковые дани и за поминки рубль четыре алтына з денгою, да поголовные дани шесть рублей шеснатцать алтын.

Погост Маселской: луковые дани два рубли дватцать алтын, да поголовные дани три рубли дватцать алтын.

Погост Нявдемской: луковые дани рубль восминатцать алтын четыре денги да четыре ефимка, да поголовные дани семь рублей

Л.580об. дватцать // два алтына две денги.

Погост Пазрецкой: луковые дани и за поминки рубль дватцать шесть алтын четыре денги да две лисиц красных да ефимок, да поголовные дани тринацать рублей три алтына четыре денги.

Погост Муномашской: луковые дани рубль три алтына две денги, да поголовные дани три рубли.

С Терской лопи з дву погостов, опричь трех погостов Поноиского

Л.581 да Еконского да Семиостровского:

Погост Воронежской: луковые дани шеснатцать алтын четыре денги, да поголовные дани пять рублей дватцать алтын две денги.

Погост Ловозерской: луковые дани и за поминки пять рублей одиннатцать алтын четыре денги, да поголовные дани десять рублей дватцать три алтына четыре денги.

С Лешие лопи с крешеных и с некрешеных лопареи:

Л.581об. Погост Пяозерской: луковые дани // четыре рубли восминатцать алтын две денги.

Погост Маселской: луковые дани три рубли тритцать алтын.

Погост Килкозерской: луковые дани четыре рубли восьмнатцать алтын две денги.

Погост Колозерской: луковые дани девять рублей.

Погост Кемской: луковые дани три рубли.

Погост Шомбеи: луковые дани четыре рубли шеснатцать алтын

Л.582 четыре денги, // а за те денги платят два бобра.

Погост Ор(ь)езерской: луковые дани два рубли дватцать алтын.

Да во 188-го году¹ во Переписных книг(ах) по сошному писму коляна посадские люди и церковные причетники данных денег платили с рыбных ловель по своим окладом шесть рублей дватцать

Л.582об. алтын // две денги. Да они ж, посадские, платили с рыбных же ловель девять рублей тритцать алтын. Печенского м(о)н(а)ст(ы)ря старцы платили с рыбных же ловель дани восьми алтын две денги. Соловецкого м(о)н(а)ст(ы)ря архимандрит з братьею платили с рыбных же ловель пятнатцать алтын четыре денги. И всего платили семнатцать рублей семь алтын четыре денги.

И в прошлом во 188-м году в Колской острог прислана бл(а)-женные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России

Л.583 самодержца грамота и(с) Стрелецкого приказу за приписью // дьяка Леонтыя Кондратова, а в грамоте написано: в прошлом во 188-м году сентября в 5 де(нь) советовав великий г(о)с(у)д(а)рь бл(а)женные памяти о Св(я)тем Дусе со отцем и б(о)гомольцем Иоакимом патриархом Московским и всеа Русии, и бояра приговорили—со всех посадов и с поморских городов с посадов же и с уездов для многих податеи и тягостеи в (п)латеж всяких денежных доходов перед прежним польготить, и прежние оклады вышеписанным денежным доходом, что было по сошному писму и платили в розных приказех до валовых писцов, отставить,— и вместо тех денежных доходов на

Л.583об. 188-й год // велено взять и впредь имать со всех городов с посадов и с уездов с прежних и с прибылых дворов по н(ы)-нешним переписным книгам с указною статьею перед прежним с убавкою; а с Кольского острога с посаду и с уезду велено взять с посаду и с уезду вместо данных и оброчных и полоняничных денег по Гостину окладу по дватцати по шти алтын по четыре денги з двора.

Да в прошлом же во 190-м году² прислана великого г(о)с(у)д(а)ря грамота ис приказу Большие Казны за приписью дьяка Никиты Полунина. А в той великого г(о)с(у)д(а)ря грамоте написано: из

Л.584 Розряду и Стрелецкого приказу велено с Кольского острога // с посаду и с уезду данные и оброчные и полоняничные денги двести семьдесят шесть рублей семнатцать алтын полшесты денги да тритцать пять ефимков, шесть бобров, две лисицы, куницу до валовых писцов отставить и из окладу выложить. И против тех великого г(о)с(у)д(а)ря грамот тех вышеписанных

¹ Т.е. в 1679/80 г.

² Т.е. в 1681/82 г.

семинатцати рублей семи алтын четырех денег на печенских старцах и Соловецкого м(о)н(а)ст(ы)ря на архимандрите з братьею и на колянах посадцких людех не имано¹ и из окладу выложена; а вместо тех денег

Л.584об. платят они з дворового числа стрелецкие денги по дватцати // по шти алтын по четыре денги з двора.

Да с Кривецкого Пудаса с рыбной ловли оброку с нотозерских и с сонгелских лопареи три рубли пять алтын.

Да с колских стрелцов с Ысачка Куклина с товарищы с троих с сенных покосов оброку тритцать алтын две денги.

За Туломской перевоз оброк и со стрелца со Власка Кайдалова семь алтын две денги.

Л.585 Да с колских же стрелцов с пятидесяти человек // с пятидесяти анбаров рубль шеснатцать алтын четыре денги.

Да с колских же стрелцов с пятисот человек полоняником на окуп пять рублей.

Да на колянах посадцких людех и Печенского и Кандашского м(о)н(а)ст(ы)реи на старцах и с колских пушкарей и с уездных крестьян по их окладом полоняником на окуп и з дву подьячих—и всего три рубли пятнатцать алтын, и с вышеписанной рыбной ловли с

Л.585об. Кривецкого Пудаса и с сенных покосов // и за Туломской перевоз и с колских стрелцов с анбаров и Печенского и Кандашского м(о)н(а)ст(ы)реи со старцов оброчных и полоняничных денег по вышеписанным великого г(о)с(у)д(а)ря грамотам, которые присланы в Колской острог о складки доходов в прошлом во 188-м и во 190-м годех, на них колянах посадцких и на старцах и на стрелцах не иманы.

Писал Васка Придаников.

КОММЕНТАРИИ

Данные материалы публикуются впервые. Их подлинники находятся в Государственном архиве древних актов (РГАДА). При этом первый из них и в научные оборот вводится впервые. Второй документ использован нами частично — в монографии «Управление и самоуправление в Карелии в XVII в.», — при исследовании фискальной политики Кремля в последней четверти XVII столетия, без обращения к этнической истории кольских

¹ Т.е. не взято.

саами [Жуков 2003: 194–195]. Между тем, оба источника существенно пополняют известные науке немногочисленные сведения о саами в средние века и начале нового времени. Они позволяют по-новому и с большей степенью достоверности и определенности судить об истории этого древнего народа. Столь же уникальны они и с точки зрения этнологии и этнографии.

Подлинники обоих документов написаны обычной для конца XVII в. скорописью. Данное обстоятельство затрудняет обращение к ним специалистов этнографов. К тому же, этнографы обычно работают с полевым экспедиционным материалами XIX–XX вв. (записями информаторов, исследовательскими наблюдениями, фотографиями, зарисовками и т. д.), т. е. с такими источниками, которые в большинстве своем содержат информацию на данные период времени. Конечно, с ее помощью, особенно при работе с преданиями и обычаями, можно сделать вполне надежную экстраполяцию в более отдаленную эпоху, но и при этом всегда существует вероятность ее неадекватного восприятия.

Вот почему ссылки в работах этнографов на собственно ранние исторические материалы не просто желательны, но и необходимы. Как на положительный пример сошлемся на статью Н.Н. Уханова о жемчужном промысле XV–XVI вв. на Русском Севере, в котором активно участвовали и саами [Уханов 1996: 45–54]. С другой стороны, и для историков представляет большой интерес обращение к этнографическим материалам и исследованиям: они позволяют историкам представить изучаемые процессы ярко, выпукло и, главное, более доказательно. Авторитетным примером такого содружества знаний о саами является работа И.Ф. Ушакова по истории Кольского земли до 1917 г. [Ушаков 1972] Из самых последних примеров укажем на выступление финского исследователя Аслака Аикио из университета г. Оулу «Исчезновение саамского населения из пределов Карелии» на российско-финских симпозиумов в гор. Йоэнсуу в 2003 г.; он ссылается и на переписи, и на народные предания, и на данные топонимии, говоря о средневековом саамском населении на территории нынешней Финляндской Карелии [Аслака Аикио 2003: 52–57].

Собственно саами зафиксированы еще в древнескандинавских сагах, повествовавших о плаваниях викингов в Биармию в начале II тыс. н.э. Скандинавы называли саами «финнами». Поэтому, например, область бывшего (частично — и нынешнего) населения саами на севере Норвегии издревле и до сих пор называется Финнмарк, т.е. буквально «Саамская марка». Древнейший из сохранившихся текстов новгородско-норвежских договоров 1252 г. указывает границы расселения и сбора даней с саами между Норвежским и Новгородским государствами. В нем говорится: «Вот границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов по тому, что говорили старые люди и говорят

теперь старые поселенцы и финны. Русским брать дань по морю до Люнгестува, а на горе до Мелеа, а идет она напрямик от моря до Люнгвестула и на восток к Кьёль. А норвежский конунг берет дань на востоке до Трианема и по берегу Гандвика до Валезга там, где есть полукарелы или полуфинны, у которых матери были финки. Брать в тех крайних границах не более пяти серых шкурок с каждого лука или по старине, если они хотят, чтоб по старине было» [ПИК: 114–116].

Полукарелы или полуфинны источника — интересный феномен саамской самобытной культуры. В карельских преданиях сохранились сведения о том, что карелы, приходившие торговать на север к саами, сначала заключали с ними «торговое перемирие», обмениваясь заложниками; при этом саамские женщины приходили к карельским купцам в стан и беременели от них [ИК: 63–64]. С помощью обычая гостеприимного гетеризма саами обновляли свой генофонд. Общее же податное приграничье Норвегии и России в Лапландии сохранялось веками.

Так, в жалобе 1559 г. кольского данщика Ефима Анисимова царю Ивану IV Васильевичу на датчан (в то время датский король владел Норвегией) значилось: «Есть, государь, в твоей государевой отчине на Мурманском море в Варенской губе [ныне Варангерфьорд на Баренцевом море. — А.Ж.] река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские волости, а тебе, государь, те лопляне дань дают, и датцкому королю, и свейскому [шведскому. — А.Ж.] королю. Да у тех же, государь, датцких немец приездной городок Варгав на волоке стоит на море на острове [ныне — Вардё, Норвегия. — А.Ж.], и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей на судах в малых и в лодьях на Теную реку [р. Тенойоки, ныне на большем протяжении течения является границей между Финляндией и Норвегией. — А.Ж.] промышляти. А та, государь, Теная река твоя государева отчина, а той, государь, реки Теною устия впало в моря за их городок за Варгав. А в той, государь, реке рыбная ловля и жемчуг. А по левую, государь, сторону, по суше, по волокам твои, государь, данщики ходят дани брати за Теную реку и до Ивгея, до твоей, государь, руские межи [т.е. до западной податной границы России в Лапландии. — А.Ж.] тысячу верст, которая межа з датцким королем» [РИБ: 51–54].

Надо сказать, что данную жалобу царю русская дипломатия не оставила без внимания. Она предприняла демарш, и в 1562 г. в Москве между Данией и Россией был заключен договор, признававший старинную границу и податную традицию: «рубеж ведати по обе стороне по старине» [РИБ: 57–76, 75–90]. Заметим, что в части приграничных отношений оба документа повторяли можайский русско-датский договор от 8 августа 1516 г. [РИБ: 70–71]. Поэтому следует считать, что официальные русско-датские дипломатические связи полностью следовали ком-

промиссному духу добрососедских русско-норвежских приграничных отношений, зафиксированных «Разграничительной грамотой» 1252 г.

Сличим два источника — «Разграничительную грамоту» 1252 г. и жалобу кольского данщика 1559 г. Оба они фиксируют обширную часть саамских земель, подвластную данью правителям России и Норвегии (а потом в ряде мест и Швеции). От кольских мест она шла по морю вдоль норвежских фьордов до окрестностей нынешнего норвежского города Люнгена («Люнгвестула» грамоты 1252 г.), что на севере области (фюльке) Тромс, далее переваливала через горы к гряде Манселькя (к «Мелеа» грамоты). На этой сельге действительно находятся истоки р. Тенойюки («реки Тенай» жалобы 1559 г.). По гряде Манселькя граница шла на восток к верховьям реки Туломы, а по ней — в реку Колу (район *Кьёль* «Разграничительной грамоты»). В этих границах умещаются нынешние норвежская фюльке Финнмарк и северная половина финской губернии Лаппи.

Кроме саами, проживавших в лапландском приграничье обоих государств, существовали еще и саами на Терском берегу Белого моря. Русские летописи и другие источники фиксировали там новгородскую «волость Тре» («Тирь») — Терский берег Кольского полуострова. Она существовала по крайней мере уже в начале XIII в. На это указывают сведения Новгородской первой летописи о крупнейшей за всю историю домонгольской Руси Липицкой битве 1215 г.: среди немногих погибших в ней знатных новгородцев значится имя «Съмьюна Петриловица, тьрського даньника» [НПЛ: 57, 257]. Волость Тре (древняя саамская земля *Тарья*) возникла в результате новгородской колонизации двинских земель. Уже в «Уставе» 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича (его договоре с новгородской епархией) указаны несколько погостов в низовьях и на устье Северной Двины [ПРП, 2: 117–123]. Через них-то новгородцы и распространили свою власть на восточно-кольских саами, управляя ими через собственного данщика («даньника» летописи). Поэтому в будущем, с конца XV в. терские волости Варзуга и Умба, а также Кандалакша, Ковда и Кереть вошли в состав Двинского уезда с центром в Холмогорах. Но дань с местных саами собирали специальные данщики столичной Казны, ежегодно выезжавшие в тундру из Кандалакши (данные инструкции-грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле 1525 г.) [ВИД: 125–134].

С начала II тыс. древние карелы («корела» летописей) быстро колонизировали земли саами вплоть до Мурмана, северной оконечности Ботнического залива Балтики и беломорского побережья. Так, на Терском берегу возникла Варзуга — «погост Корильский». Его упоминает «Патриаршая или Никоновская летопись» в статье за 1419/20 г. о нападении норвежцев-«мурман» на северные владения Великого Новгорода — карельский погост Варзугу

и двинские волости [ПИК: 54–55]. Норвежцы, а затем и датчане, владевшие временами Норвегией, вступались с русскими властями в споры, стремясь установить налогообложения и местных саами сразу двумя государствами — безуспешно. Разрядные книги XVI–XVII вв. оставили красноречивые записи об успешных русских посольствах, на рубеже XVI–XVII вв. посылаемых царем на линию кольской границы для отстаивания его единоличных, суверенных прав на дань с кольских (терских) саами [Разрядная книга 1493–1609 гг.: 922 об. — 923; Разрядная книга 1550–1636 гг.: 176, 202], — равно как и царские грамоты датскому королю и его послам за 1580–1600-е гг. [РИБ: 217–226, 225–238, 309–326, 377–378]. Терские саами, следовательно, выступают второй, «неприграничной» группой саамского народа. Но была и третья группа саами, проживавшая в Карелии.

Карелы, частично истребляя или оттесняя, или ассимилируя местных саами, постепенно занимали их земли и облагали оставшихся «празгой» — видом частно-феодальной ренты, подобной оброку, за право пользования рыболовными и лесными угодьями. На это прямо указывают «Северные грамоты» — частноправовые акты сделок карельской знати на земли северной Карелии [СГ: 135–164]. Укоренение карелов на севере не позднее XV в. нашло административное оформление: бывшие саамские земли стали частью *Карельской земли (Карелы)*. Но карельские погосты по западному берегу Белого моря — Кемь, Шуерецкое и др. — даже в официальном дорожнике 1627 г. «Книге Большого чертежа» (описательном приложении к генеральной карте Российского царства) названы «лопскими», а весь Карельский берег моря по традиции именовался *Лопским берегом* [КБЧ: 183].

Карелы называли саами и их землю *Lappi*, отсюда произошли и русифицированные названия *Лопь* (земля и народ саами), *лопин*, *лопины* (впоследствии лопарь, лопари). При этом нельзя путать лопинов и *лоплян* — жителей карельских Лопских погостов, в подавляющем большинстве своем — карелов. Но при этом следует помнить, что кольских саами, живших в саамских Лопских погостах Кольского полуострова и в широком лапландском приграничье, русские источники также зачастую именовали лопянами, например, в вышеназванной жалобе кольского данщика 1559 г. [РИБ: 51–54]. На их землях возник Кольский уезд.

Семь же карельских Лопских погостов (Линдозерский, Семчезерский, Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуеозерский и Панозерский), а также две примыкавшие к ним с востока и севера беломорские волости Кемская и Шуерецкая издавна входили в состав Карельской земли Великого Новгорода, а затем и объединенной России. Они принадлежали уже Новгородскому уезду. Как таковая, Карельская земля фигурировала в завещаниях русских монархов.

В 1504 г. в завещании великого князя Ивана III Васильевича значилось: «Да сына же своего Василия благословляю своею отчиною, великим княженьем Новгородским... Да в Новгородской ж земле даю ему... Корельскую землю всю, Корельской город с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем с тем, что х Корельской земле потягло, и с *Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью*». Аналогично землю карелов завещал в 1572–1578 гг. царь Иван IV Васильевич Грозный своему старшему сыну и наследнику Ивану: «...даю Корельскую землю всю, город Корелу, с волостями и с путми, и с селы и с погосты, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к Корельской земле потягло, и с *Лопью Лешею, и с Дикою Лопью*» [ПРП 3: 269; ДАИ: 384].

Подробному анализу становления в XV в. «Лешей и Дикой Лопи», т.е. Лопских погостов вместе с их поморскими волостями, как северной половины Корельской земли, мы посвятили отдельную статью [Жуков 2000 а: 6–25]. Тут же скажем, что термин *Lappi* — *Лопь* первоначально относился к саами. И лишь при освоении их территории карелами *Лопью* стали называть также их бывшие земли. Саами в большинстве своем вели подвижный, почти кочевой образ жизни. А к кочеванию в древнерусском языке давалось определение *дикий* в значение «кочевой» (ср., напр., летописные половецкое «Дикое поле» и «дикие половцы», — и «*Лопь Дикая*» завещаний). Но немногие саами жили также и полуоседлым способом «леших» (т.е. *лесных*) охотников и рыболовов, а некоторые — даже в деревнях. Они, а главным образом, их бывшие земли в Карелии и названы Лешей *Лопью*. Очевидно, что саами Карелии являлись третьей группой саамского народа.

Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. указала в Ругозерском погосте деревеньку «на черном лесу на дичи на Поязмозере...: во дворе Осташко лопин» и двор крестьянина-карела, они «пашут лешую пашню, сена нет»; в ругозерских же деревнях Тикше, Чирко-Кеми и Пизмолакше указаны только заброшенные дворы («следы») саами: Бояринка лопина, Ивашки Безымянного лопина, Карпика лопина и его сына Матюшки, Ивашки Койвуля лопина [ДК 1597 г.: 206–208]. В Дозоре 1597 г. отмечены также пять семей саами—«лопинов» в Панозерском погосте, они жили в «вежах», т.е. в полуземлянках (?) или шалахах. Живших на их месте ранее 33 семьи «лопинов» в 1585/86 г. частью убили или взяли в плен вторгнувшиеся сюда в очередной раз шведы [ДК 1597 г.: 214–215].

Соседнюю с Лопскими погостами Кемскую волость в 1591 г. правительство отписало в вотчину Соловецкому монастырю. Вот что о живших в ней саами говорится в «отдельной записи» от 20 июля 1591 г., составленной Семеном Юреневым при ее «отделе» к обители: «Да на Кемской ж земли жили лопари крошечные и некрещеные лукозерские по лешим озером на Топоозере и в Кистенги да на Крито озере да в Ведиле озере и на Вокше озере

и на Ульмо озере и на Муром озере и на Пильсо озере и на Вонго озере и на Керет озере и на Воронье озере и на Кялго озере и на Кузем озере и по иным лучшим озерам, 18 дворцов [дворов. — А.Ж.] да 20 вежь, а людей в них 42 человека, а луков 20 с полулуком. И те лопские дворцы и вежи и луки все запустели от немецкие войны [от вторжения шведов. — А.Ж.], а лопари побиты и в полон поиманы [т.е. или убиты, или пленены. — А.Ж.], а иные розно розбrelись» [Материалы: 325].

Писцовая документация отмечала саами живущими в основном отдельно от остальных селян карелов. Вот и в лежащей к северу от Кемской волости Керетской волости имелся один саамский «дворишко» в лесу. Сведения о нем сохранили «Сотная» Керетской волости 1563 г. и «Выпись» о волости из писцовой книги 1574—1575 гг: «в ухажаех [в отдалении от деревень. — А.Ж.] на диком лесу над Нюткозерком живет дворишком лопин крещен Иванко Великая Голова с детьми», промышляя рыбой на озере [СГКЭ: 446, 460].

Если о третьей, карельской группе саами, об их образе жизни мы можем сказать что-либо определенное, то о первых двух из вышеприведенных источников известно меньше. Конечно, сохранились писцовые описания Кольского уезда в XVII в. Их обязательно нужно использовать при описании кольских саами. Для XVI же столетия — это в основном документы фискального характера. Так, совсем недавно опубликован ряд интересных источников: жалованная грамота и «наказная память» (инструкция) великого князя Василия III Лопской земле 1525 г. Из них следует, что саами подлежали прямому московскому управлению в лице великокняжеских данщиков (сборщиков), подчиненных столичному дьяку—казначею (в датском переводе «rentemester») [ВИД: 125—134]. Кроме того, из жалобы 1559 г. кольского данщика на норвежцев известно, что по крайней мере уже в середине XVI в. он наблюдал за добычей рыбы и жемчуга у саами в Северной Норвегии [РИБ: 51—54].

Во времена опричнины царь Иван IV Грозный снял с Казны и ее данщиков обязанности по управлению кольскими саами. В 1566 г. он передал часть западной Лопи в управление Печенгскому монастырю, а восточные саами с реки Поноя в 1575 г. подпали под личную власть их духовного наставника старца Феогноста [Материалы: 236—238, СГКЭ: 437—442]. До образования в 1582 г. Кольского уезда государственное управление в Приполярье перешло на время в руки Церкви и опиралось на ее авторитет.

Большинство из вышеприведенных источников хорошо перекликается с публикуемой ныне «Книгой сбора стрелецких денег» (документ 2). И только «Жалованную грамоту царя Ивана Васильевича в Поморье старцу Феогносту и об устройстве в ней причта» от 20 февраля 1575 г. желательно соотнести с публикуе-

мой тетрадью священника Алексея Симонова о верованиях саами (документ 1). В грамоте, кстати, саами названы и лопарями, и «лопянами». Но это — особенность документа. Речь здесь идет о саами Кольского полуострова терских (понойских), еконгских, семиостровских и воронеских (с реки Вороной). Чтобы дать исследователю редкую возможность сравнить оба источника, разнесенных по времени на столетие, мы приведем отрывок из жалованной грамоты.

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в Поморье на Терской наволоке, на Поной реку, старцу Феогносту. Били нам челом из Поморья, и ис Терского наволока с Поной реки, и ис Еконги, и Семиостровские, и Воронеские лопари Илья Воитинов сын новокрещен, да Кирилко Яковлев сын, да Никифорко Костарев и во всех лопян место [т.е. от имени всех саами. — А.Ж.] Терского наволока, крещеных и некрещеных. А сказали: били де [челом. — А.Ж.] они нам наперед сего, чтоб нам их пожаловати, велети им поставити церковь Божию для их крещения и молитвы и для их детей роженья и крещенья; и мы их наперед сего пожаловали, велели им на Поной реке поставити церковь Божью Святых Верховных Апостол Петра и Павла, да образы де мы, и книги, и колоколы, и ризы, и всякое церковное соружение дали; и они де по нашему жалованью церковь Божию поставили и сами крестились, а иные деи лопяне креститься не поспели, потому что та церковь Божья запустела от сильных людей насилства и беречи деи было тое церкви от сильных людей некому; и ныне деи тое церкви стоити [м.б., «строити»? — см. ниже, А.Ж.] и лопян крестити и христьянские веры учити некому, да и самих де их от сильных людей насилства и от данычиков, и от наших посланников, и от корелян, и от варзужан, и от двинян беречи некому; и нам бы Терского наволока и Поной реки лопян, крещеных и некрещеных, пожаловати, велети тых лопян крестити, а старых и болных и увечных покаивати и постригати во иноческий чин у тое церкви у Святых Верховных Апостол Петра и Павла, и тое церковь строити, и меж ими управу чинити тебе, Феогнасту, а им бы тебе давати в руги место [т.е. вместо постоянного жалованья. — А.Ж.] от крещенья по кунице, а от свадьбы от венчания по песцу по черному или по десяти белок, и священнику бы нам велети для болей, покояния и роженец молитвы ездить на их лопских оленях». И далее царь узаконивает все просьбы саами о новом открытии церкви, о пушном содержании монаха, о разъездах священника по саамским кочевьям на их оленях, запрещает «насилства сильных людей» и велит взять церковное имущество у целовальника (помощника терского старосты) Саввы Водникова, которое он сохранял до сего времени.

Перейдем теперь к характеристике публикуемых материалов. В документе 1 («1681 г., 13 ноября — 1682 г., 26 апреля. Кольского острога соборного священника Алексея Симонова тетради с отчетом о поездке его по государеву указу по Лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и воссоединения их к православ-

ной церкви»), пожалуй, впервые так подробно обрисованы верования и обряды саами, причем данная запись была сделана священником непосредственно со слов самих саами, вполне сохранявших еще собственные верования и обряды в «нетронutom виде». По существу, это правдивые показания крещеных старейшин саами (на что указывают их крестильные имена и отчества), данные ими под церковной присягой («по духовенству»). Старший («соборный») священник Кольского уезда, очевидно, также был знаком с обрядами саами, которых он крестил, поэтому и он не допустил бы искажения истины, выполняя царский указ. Все это повышает ценность источника.

Материал этот оформлен священником в виде тетради, на которой имеется помета московского дьяка: «выписать из сих тетрадей под отписку в доклад», т.е. ее сведения докладывались непосредственно царю Федору Алексеевичу (1676–1682 гг.). Сам «указ великого государя о призывании иноверцов и идолопоклонников и отступников во благочестивую нашу православную христианскую веру» не сохранился. Но можно с большой долей уверенности предположить, что указ звучал в духе одного из генеральных направлений всей тогдашней внутренней политики правительства — борьбы по искоренению старообрядчества, особенно на Севере, где оно было весьма распространено. Саами же «подпали под указ» из-за своих явных языческих верований, которые, наряду со старообрядчеством, также подлежали изжитию.

Второй документ («1700 г., январь. Книга Кольской приказной избы о сборе стрелецких денег с населения Кольского уезда») фиксирует налоги и сборы, выплачиваемые кольскими и северо-карельскими саами в государственную казну. Но он же однозначно подтверждает обоснованное нами выше на основе различных источников традиционное деление саамского народа на три части, — в соответствии с географическим месторасположением их земель и параллельно — с их же государственной и административной принадлежностью. Более того, данные части называются своими сложившимися в обиходе именами. Это *Кончанская лопь*, т.е. саами, проживавшие в широкой приграничной полосе. «Мурманским концом» в России как раз и называлась широкая полоса лапландского приграничья с Норвегией (и Швецией): «Мурманом» или Мурманской землей называлась Норвегия, а «мурманами» — норвежцы. Это следует из различных источников, например, из вышеназванных летописной статьи Патриаршей летописи за 1419/20 г. и из жалобы кольского данщика 1559 г.

Терская лопь — саами, кочевавшие в глубине Кольского полуострова, по его южному Терскому берегу, а также на Поное, Еконе и в районе Семиостровского архипелага. Наконец, это *Лешая лопь*, проживавшая по лесам северной Карелии. Все три группы не только поименованы, но твердо разделены в соответствии с

деление Кольского уезда на погосты. Правда, в отношении Лешей лопи погостами названы небольшие местности, почти селения, как они предстают в вышеприведенной писцовой документации по Карелии. Для обоснования правильности такого деления мы должны напомнить, что сама книга сбора налогов создавалась в Коле, местными жителями, отлично знавшими положение дел и условия на местах.

Документ 2, впрочем, имеет сложную структуру и насыщен терминами, подлежащими объяснению. Довольное пестрое по этническим и внешнеполитическим причинам административно-территориальное деление земель Крайнего Севера в 1580-е гг. обрело большую лаконичность и законченность. Переустройство вызывалось не только длительной агрессией Швеции, но и претензиями Датского королевства на все Приполярье и саами. Россия на Кольском полуострове опиралась на Колу, имевшую статус международного торгового порта. И норвежское нападение на Мурман в 1582 г. привело к огромным убыткам русских купцов и казны. Узнав о случившемся, царь Иван Грозный немедленно послал в Колу воеводой боярина Аверкия Ивановича Палицына и отряд стрельцов. В том же 1582 г. в подчинение Коле перешли все земли Кольского полуострова (кроме двинских волостей Варзуги и Умбы), беломорские волости Кандалакша, Ковда и Кереть, а также территория саами в Карелии по границе со Швецией. Так из ранее административно разнородных древних саамских земель в 1582 г. образовался Кольский уезд. С юга он граничил с Лопскими погостами Новгородского уезда (с 1649 г. — нового Олонецкого уезда) и с Корельским уездом.

Иломанскому погосту Корельского уезда принадлежали, в частности, карельские селения от Лендер до Кимасозера. Они составляли Ребольскую волость. Карельским партизанам и Соловецкому монастырю удалось сохранить их за Россией во время шведской интервенции 1610-х гг. [Поросозеро: 118; Шаскольский 1950: 88–104]. Поэтому после заключения Столбовского мира в феврале 1617 г. они оставались под русским управлением. Но договор этот требовал отдать Швеции весь Корельский уезд. И чтобы усилить позиции России на переговорах, Кремль к 1621 г. подчинил Ребольскую волость Кольскому уезду. Основание послужило проживание там саами. В результате длительных и конфликтных переговоров шведы согласились оставить за Россией всю Ребольскую волость от Лендер до Кимасозера; линия новой границы пошла прямо к Печенге на Ледовитом океане. В Карелии это приграничное размежевание на местности завершившись 3 августа 1621 г. [Жуков 2000 б: 31–36].

О саами в Ребольской волости сохранился этнографический материал конца XIX в. — о них помнили местные жители карелы. Так, крестьяне деревни Лужмы связывали остатки очагов, находящиеся на мысу Хиссаканен, с лопарем Исаком, некогда жившим здесь и занимавшимся рыболовством и охотой. Один

из участков поля, принадлежавшего крестьянину П. Григорьеву, в 4 верстах от Лужмы, носил название «Лопарского кладбища». Вблизи Лужмы и Короппи крестьяне показывали финскому этнологу Л. Пяяккёнену «лапландские поляны» с остатками каменных кладок. Ему довелось услышать и предания о некогда живших здесь «огненных лопарях» — колдунах и знахарях, и о состязании в стрельбе между соседями лопарем Исаком и Ремоненом [Pääkönen 1898: 168–175].

В пределах Ребольской волости саами проживали вплоть до эпохи Петра I. «Приходная книга Новгородской четверти», составленная в Москве в 1620/1621 г., сообщает о сборе дани «с Лопи з дву волосток — с Роккулы и с Реболы; за данью ездили кольские данщик и толмач-переводчик [ПРК: 320]. Очевидно, они всегда заезжали и в саамские «погосты» — местности на севере Лопских погостов и в Кемской волости, раз «книга сбора стрелецких денег» 1700 г. сообщает о местной «лешей лопи» как об исправных налогоплательщиках. К тому времени число заселенных карелами соседних ребольских волосток значительно расширился, но о саами в Реболах и в Ровкуле источник 1700 г. ничего не сообщает.

Традиционно саами, как и северные карелы, облагались *луковой данью*. Первоначально налогом облагался лук как средство производства (собственно оружие в охоте на пушного зверя), об этом говорит «Разграничительная грамота» 1252 г. Но со временем занятия населения значительно расширились, особенно у карелов, они завели пашню, и луковое обложение преобразилось: «луком» стала называться идеальная доля полученного продукта, подлежащая налоговому изъятию. Как видно из «книги» 1700 г., саами платили с «луков», т.е. с доходов от хозяйства, в том числе и от средств, получаемых ими в международной торговле (раз счет налогам частично велся в золотых-ефимках).

Но к тому времени, а именно сразу после генеральной переписи 1678 г. правительство решило собирать налоги не с производственной деятельности, а со дворов. Вот почему в документе так тщательно перечислены дворы горожан и крестьян Кольского уезда. Кроме того, по новому «дворовому числу» теперь стали брать не луковую дань, а *стрелецкую подать* («стрелецкие деньги») — тогда она стала главным налогом, который выплачивало население в казну. Даже налог с саами, оставаясь по существу прежней луковой данью, назван в тексте стрелецкими деньгами. Но размер их в Кольском, как, впрочем, и в Олонецком уездах не отличались от прежней луковой дани и других налогов, бравшихся вместе с нею до перехода к «дворовому числу». Из других наиболее значимыми, как видим из документа, для населения являлись *оброчные деньги* (налог за пользование промысловыми угодьями) и *полонячные деньги* — почти регулярные сборы на выкуп за границей русских военнопленных.

А в 1679 г., как раз после генеральной переписи (после «валовых писцов» источника) и сопряженной с ней общей хозяйственно-поземельной раскладкой (в документе — «сошным письмом») группа очень влиятельных московских купцов Гостинной сотни (т. е. тех, кто вели широкую международную торговлю) предложили правительству пересчитать размеры налогообложения по всем уездам страны с тем расчетом, чтобы каждый налогоплательщик нес одинаковое бремя. Правительство, как видно из документа 2, приняло это предложение. И оказалось, что в результате налоговый пресс на жителей Кольского и Олонецкого уездов, например, остался тем же, что и до введения данного «гостинного оклада». Таким образом, выясняется, что Кремль внимательно подходил к налогообложению приграничных уездов на беспокойном Севере, не допуская безответственного повышения налогообложения приграничных подданных [Жуков 2003: 183–201].

Фискальную и вообще управленческую пирамиду всех земель бывшей Новгородской республики (Кольского, Олонецкого, Двинского и др. уездов, а также вотчинного округа Соловецкого монастыря), завершал на верхнем уровне столичный приказ *Новгородская четверть*. Он возник на рубеже XVI–XVII вв., путем слияния бывших опричных четей, и существовал по 1720 г., с 1670-х гг. называясь *Новгородским приказом*. Поскольку дела управления северным приграничьем всегда сопрягались с внешней политикой, то Новгородский приказ состоял как бы под эгидой Посольского приказа, а с 1680-х гг. был прямо подчинен ему как его отделение. Сам Посольский приказ возглавлял лично царь. Равным ему по значимости приказом являлся только *Разрядный приказ* («Разряд») — главное военное ведомство, также под главенством монарха.

Но именно Новгородская четверть (приказ), а не Разряд, назначал своих воевод и дьяков в Великий Новгород, Олонец, Колу и в другие центры Севера. Через своих посланцев на места он заведовал почти всеми гражданскими делами в крае и бдительно следил, кроме периода 1679–1689 гг., за сбором всех налогов и расходованием на местах бюджетных средств. А в те годы сбором стрелецкой подати заведовал: в 1679–1682 гг. — *Стрелецкий приказ* (судя по документу 2, подчинялся Разряду), в 1682–1689 гг. — приказ *Большой казны*, управлявшей бюджетными потоками страны. С окончательным воцарением Петра I Новгородский приказ вернул себе право на фискальный контроль и сборы [Жуков 2003: 183–201].

В уездных центрах, в т. ч. и в Коле, важнейшими агентами управления и верными помощниками Новгородскому приказу являлись *Приказные избы* — канцелярии уездных воевод. Они, как видим из документа, и вели всю многосложную работу по учету бюджета уездов. Правда, с 1680-х гг. сам сбор налогов они осуществляли совместно с Земскими избами — органами местного

выборного самоуправления. Но к 1700 г. положение изменилось. После реформы 1699 г. вместо земских старост появились выборные *бурмистры*, — в т.ч. и в городе Коле, о чем и говорит публикуемый текст.

Мы кратко проанализировали «Книгу сбора стрелецких денег», как, впрочем, и «Тетрадь» соборного священника Алексея Симона о верованиях саами, и сопутствующие им другие источники XIII–XVII вв. Все вместе они позволяет установить, что саами, проводившие жизнь в отдалении от основных центров управления, в кочевании по тундре или в лесной охоте, оказывается, вполне попадали под надзор государства и церкви. Поэтому саамская культура постепенно впитывала в себя положительные наработки цивилизации. Конечно, такие связи носили сезонный характер, но отнюдь не спорадический. Из века в век они возобновлялись ежегодно, главным образом, во время выплат налогов. Доказательством тому предоставляют и публикуемые источники, и ряд других материалов, о которых мы рассказали в данной статье.

Список источников и литературы

- Аслак Аикио*. Исчезновение саамского населения из пределов Карелии // Historian tutkimuksia — Studies in history. 23. Väestö ja perhe Karjalassa / Население Карелии и карельская земля: Joensuun yliopistossa 24–26.9.2003 pidetyn seminaarin esitelmät. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 2003. S. 52–57.
- ВИД* — *Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 1998. Вып. XXVI. С. 125–134 (публикация, комментарий).
- ДАИ* — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ Канцелярии, 1846. Т. I.
- ДК 1597 г.* — Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500–ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi: Кар. фил. АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории; Joensuu yliopisto-Karjalan Tutkimuslaitos, 1987. Т. I. С. 186–233.
- Жуков 2000 а* — Жуков А.Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV–XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Ю.А. Савватеев. Петрозаводск: Ред.-изд. отд. КарНЦ РАН. Ин-т языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2000. С. 6–25.
- Жуков 2000 б* — Жуков А.Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск: Ред.-изд. отд.

КарНЦ РАН. Ин-т языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2000. С. 31–36.

Жуков 2003 — Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Изд. Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого, 2003.

ИК — История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001.

КБЧ — Книга Большому чертежу / Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.

Материалы — Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.

ПИК — Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Поросозеро — Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Сношения России со Швециею (коллекция дел и документов). Оп. 1/1620. «Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод, и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах» за 1620 г. Д. 1. Л. 115–119. Донесение властей Новгорода в Посольский приказ о показаниях под присягой жителя Поросозера Лариона Алексева, не позднее 22 марта 1620 г.

ПРК — Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М.: Наука, 1983.

ПРП, 2 — Памятники русского права. В 8-ми вып. М.: Гос. изд. юр. лит., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв.

ПРП, 3 — Памятники русского права. В 8-ми вып. М.: Гос. изд. юр. лит. 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв.

Разряд. кн. 1493–1609 гг. — Российский государственный архив древних актов. Фонд 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.). Д. 99. Разрядная книга 1493–1609 гг.

Разряд. кн. 1550–1636 гг. — Разрядная книга 1550–1636 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР. 1976. Т. 2. Вып. 1–2.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым.

СГ — Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л.: Изд. АН СССР. 1929. Вып. 35. С. 135–164.

- СГКЭ* — Сотная» 1563 г. с «описных книг» двинян Якимя Романова и Никиты Путятина на волость Кереть; «Выпись» 1574—1575 гг. из Писцовой книги Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на волость Кереть // Сборник грамот Коллегии Экономии. Л.: Изд. АН СССР. 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важинского уездов. Ст. 442—451, 451—462.
- Уханов Н.Н.* Новые данные об одном из северных промыслов // Доклады отделения этнографии ВГО СССР. Л.: Географическое общество СССР. Ин-т географии. 1966. Вып. 2. Доклады 1962—1965 гг. С. 45—54.
- Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Очерк истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Мурманское книжное изд. 1972.
- Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1950.
- Pääkönen L.* Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä // Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikakauskirja. XVIII. Helsinki, 1898.